

УДК 82-31

**СВОЕОБРАЗИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА В РОМАНЕ М.Ю. ЕЛИЗАРОВА
«БИБЛИОТЕКАРЬ»***Б.А. Ханов***Аннотация**

Статья посвящена анализу советского дискурса в романе М.Ю. Елизарова «Библиотекарь» (2007), лауреата премии «Русский Букер» (2008). В работе применяется комплексный метод исследования, соединяющий в себе дискурсивный, культурно-исторический, структурно-семантический и концептуальный методы анализа. Советский дискурс рассматривается через его соотношение с национальным русским дискурсом, также представленным в романе и вступающим с советским в конфликт. Конфликт реализуется в криптологическом сюжете посредством знакового для постмодернистской литературы образа библиотеки. Национальный дискурс воплощается в феминном начале, а советский дискурс – в маскулинном. В результате делается вывод, что, несмотря на введение сакрального образа Богородичного Покрова, призванного объединить советскую утопию в её авторском понимании с национальной традицией, заявленный в повествовании Союз Небесный остаётся неосуществлённым.

Ключевые слова: Михаил Елизаров, «Библиотекарь», советский дискурс, советский миф, национальный дискурс, сталинский миф, символизация, библиотека, героизм, жертва.

Творчество Михаила Елизарова (род. 1973) предоставляет богатый материал для исследователя, который занимается поиском и дифференцированием различных форм «советскости» в современной литературе. В дебютной елизаровской повести «Ногти» рассказывается история двух увечных с рождения друзей, безуспешно ищущих своё место в постсоветской действительности. В повести «Госпиталь» жестокие сцены армейской дедовщины разворачиваются в последние дни СССР. Роман «Мультики» предлагает читателю историю, в которой трудный советский подросток Герман перевоспитывается в детской комнате милиции и в которой обыгрываются традиционные приёмы романа воспитания. Советская составляющая также играет значимую роль в песенном творчестве Елизарова, которым автор занимается активно с 2010 г. (в частности, в композициях «Советская», «Сентиментальный марш», «Оркская»).

При этом функционирование советской составляющей в творчестве М.Ю. Елизарова неоднородно; если в ранних его произведениях она выполняет в основном мотивирующую функцию, создавая ситуацию «слома», в рамках которой происходит самоопределение личности, то позднее оформляется в советский дискурс. Ярким примером функционирования последнего может служить

второй роман Елизарова – «Библиотекарь», изданный в 2007 г., а в 2008 г. ставший лауреатом Букеровской премии.

Формально сюжет «Библиотекаря» тяготеет к популярному сегодня формату криптологического романа. В произведении враждебные по отношению друг к другу группы тайно охотятся за уцелевшими книгами писателя-соцреалиста Громова, неизвестного широкой читающей публике. Книги обладают магическими свойствами, проникнуть в которые дано лишь при соблюдении условий тщательного (пословного, без пропусков) и непрерывного прочтения. Тайна книг содержится в секрете, и читатели вынуждены вести двойную жизнь. Среди поклонников громовского дара его романы носят особые названия: Книга Силы, Книга Власти, Книга Ярости, Книга Терпения, Книга Радости, Книга Памяти – в зависимости от гипертрофированных чувств, пробуждаемых ими. По легенде все шесть громовских романов имеют общий замысел, скрытый в седьмой книге – Книге Смысла. О её местонахождении не знает никто. Основные события в произведении приходятся на самый стык тысячелетий, на двухтысячный год.

Включение в роман М.Ю. Елизарова модели библиотеки позволяет спроецировать смыслы, сформированные относительно неё в постмодернизме, на советский дискурс. Как отмечает Л.Р. Меграбян, «согласно Борхесу, такое “книгохранилище” – это лабиринт, или система, архитектоника которой обуславливается собственными правилами – законами предопределения, высшего порядка, провидения. <...> Восприняв борхесовскую идею лабиринта как образно-знаковую модель Универсума, Эко (“Имя розы”) выстраивает своеобразную “двойную метафору – метафору метафоры”, акцентированно изображая библиотеку аббатства как лабиринт, непостижимый и недоступный для непосвящённых» [1, с. 169].

Криптологический сюжет, основу которого составляет ставший уже традиционным мотив поиска книги, оказывается способом художественного воплощения феномена присвоения прошлого, включающего в себя по крайней мере два основных аспекта: власть над прошлым и власть прошлого. Оба аспекта реализуются посредством лабиринтной символики модели библиотеки, выступающей, с одной стороны, эмблематизацией и одновременно путём постижения советского дискурса, а с другой – репрезентацией характера отношений Алексея Вязинцева с советским дискурсом.

Фактором, который объединяет причастных к громовскому миру, становится неумение вписаться в постсоветскую реальность, отчуждённость от неё. Единственный для героев способ самоидентификации – обретение прошлого; единственный способ обрести прошлое – поиск и чтение Книг. Дающие гарантированный неотложный эффект, Книги создают у громовцев ощущение упорядоченной действительности и власти над прошлым. Формальный контроль над ним достигается за счёт добычи громовских романов и последующей их каталогизации и распределения с помощью систематизированного мира библиотек. Однако контроль над Книгами перерастает в зависимость от Них – срабатывает борхесовский закон предопределения. Читатели, оказавшись в замкнутой системе библиотеки, обречены жить по её законам. Покинуть библиотеку на практике возможно исключительно через смерть. Власть над прошлым оборачивается властью прошлого.

Эмблематизация советского дискурса моделью библиотеки реализуется на основе одной из доминантных форм практики соц-арта, предполагающей стереотипизацию дискурса за счёт буквализации стёршихся идеологических штампов. М.Ю. Елизаров, обыгрывая сталинский тезис «Писатели – инженеры человеческих душ», даёт ему практически буквальное истолкование. Как следствие этого, одним из ключевых образов «Библиотекаря» становится создатель Книг – Громов, соцреалистический писатель, не принимающий участия в изображаемых событиях, но косвенно присутствующий на страницах всего текста. В отношении данного образа обнаруживает себя приём буквализации метафоры; характер громовского творчества начинает определяться посредством идиомы «одной левой», которая, утрачивая переносное значение, становится прямым указанием на увечье писателя: потеряв правую руку на фронте, Громов вынужден писать левой рукой.

Громовские романы – собирательный образ соцреалистических произведений, а сам их автор, лишённый ярких индивидуальных черт, является словно моделью советского писателя: «Громов – это безобидный словесный мусор ветерана войны, в котором общественность не особо нуждается, но и не имеет ничего против его существования» (Б., с. 10). Не одарённого талантом, но идеологически надёжного Громова исправно публикуют вплоть до конца семидесятых, а впоследствии перестают издавать; он умирает в 1981 г., за десять лет до распада СССР.

Образ Громова в «Библиотекаре» выполняет функцию транслятора советского дискурса, а его творчество становится практически открытой его персонификацией. Соответственно, библиотеки, стремящиеся к собиранию громовского наследия и овладению им, оказываются способом реконструкции и осмысления советского дискурса. В романе выстраивается история библиотек, которая косвенно моделирует исторический ракурс становления и функционирования советского дискурса. В этом случае особую значимость приобретают четыре библиотеки – Лагудова, Шульги, Моховой и Вязинцева, которые соответствуют четырём периодам русской политической истории. Принципиальным оказывается также символическая последовательность Книг, вокруг которых организуются библиотеки: Книга Радости, Книга Ярости, Книга Силы, Книга Памяти.

Первым о скрытых свойствах Книг узнаёт Валериан Лагудов – потомственный интеллигент, филолог, руководитель отдела критики в литературном журнале. Герой собирает под знамёна своей библиотеки учителей, работников культуры, инженеров. Как и в случае с марксистскими идеями, сначала усвоенными в 50–90-е годы XIX в. радикально настроенными интеллектуалами в среде разночинцев, в университетах и гимназиях, первой воздействию громовского творчества испытывает на себе интеллигенция.

Вторым героем в елизаровском романе, самостоятельно узнавшим о свойствах Книг, стал Николай Шульга. Под впечатлением от Книги Ярости он убил трёх человек и отбыл пятнадцать лет в лагере строгого режима. Судьба Шульги обусловила его выбор сторонников по библиотеке – люмпенов, отверженных в мире криминала, бродяг, собирателей бутылок. Безусловно, это не даёт оснований проводить прямые параллели с политической историей распространения марксистской идеологии в России; однако традиционно в культурной рефлексии

деструктивная направленность данной идеологической концепции активизируется в результате её практического освоения, происходящего с участием маргинальных, деклассированных слоёв. Громовское творчество для людей Шульги становится поворотным пунктом, позволяющим покинуть социальный низ и обрести новый смысл существования в прекрасном и яростном, по определению А.П. Платонова, мире: «С книгами Громова им открывался вход в иной универсум – таинственный, грозный, полный загадок и будоражащей мистики, там тоже шла борьба, было много опасных соперников, существовал житейский и боевой кодексы, оставалось место благородству, отваге» (Б., с. 31).

Примечательно, что истории Лагудова и Шульги до момента осознания ими сверхъестественных качеств Книги рассказываются в духе советских биографий. В них показываются этапы вхождения человека в большой мир (рождение, учёба, служба), обязательно фиксируется поворотный момент в судьбе героя, раскрывается неразрывный характер его отношений с судьбой государства и т. д. Иными словами, повествование о двух первых библиотекарях стилизуется под советский апокрифический текст.

Третьей библиотекой становится библиотека Елизаветы Моховой, которая создаётся в доме престарелых, именуемом просто Домом. Дом выступает своеобразной альтернативой, ставящей под сомнение авторитет двух первых библиотек. Причём именно эта библиотека особым образом формирует структуру громовского мира, определяя его как взаимодействие двух дискурсов – советского и русского. Соотнесённость библиотеки Моховой с двумя первыми библиотеками выстраивается как дихотомия патриархальной и матриархальной символики, актуализирующей систему иерогамных отношений. При всём том, что не только патриархальная («Отец народов»), но и матриархальная символика выступают репрезентантами советского дискурса, М.Ю. Елизаров актуализирует более традиционный вариант сопряжения последней составляющей с национальным контекстом. Х. Гюнтер, рассматривая специфику функционирования архетипа матери в тоталитарной культуре, отмечает «сосуществование двух линий в русской традиции материнского архетипа – языческой и христианской. Первый полюс включает в себя стихийные, вещественные аспекты (мать сыра земля, природа, плодородие), другой – собственно христианские духовные ценности (любовь, милосердие, заступничество за скорбящих). Архетип матери при ассимиляции в советской культуре подвергается глубоким изменениям. Прежде всего, наблюдается тенденция к вытеснению его христианского содержания и к актуализации фольклорно-языческой стороны. <...> В своей советской ипостаси архетип матери обозначает эмоционально-вегетативную основу жизни. Среди положительных эмоций числятся, говоря на языке самоописания культуры 1930-х годов, любовь, сердце, смех, жизнерадостность, весёлость, красота, счастье и т. д. Вегетативный аспект включает плодovitость, коллективность и стихийность. Коллективность 1930-х гг. значительно отличается от утопического классового коллективизма революционного типа своей органичностью и “теплотой”» [2].

В отношении библиотеки Моховой наблюдается последовательная реализация мифологемы материнства. Так, сначала сама Елизавета Мохова проходит почти фрэзеровский обряд удочерения всеми старухами. Мотив коллективного

материнства звучит и в финале, когда в дом престарелых попадает единственный мужчина – Алексей Вязинцев, главный герой романа.

Старухи наделяются качествами, по обыкновению ассоциирующимися с феминностью. Они близки к природе, беспокойны, поступают согласно инстинктам – словом, действия старух подчинены стихии. Корреляцию стихийности и женского начала подтверждает О.В. Рябов: «Беспорядок, стихия, хаос рассматриваются как проявление начала женского. Одним из проявлений борьбы хаоса и порядка в русской историософии считается противостояние дионисической природы, соотносимой с женским началом, и аполлонической культуры, соотносимой с мужским» [3, с. 23].

Кроме того, дом престарелых, обитель старух, расположен на периферии и, судя по всему, в провинции. В пику маскулинной столице периферия и провинция также соотносятся с женским началом: «Столичный дискурс о провинции обнаруживает всё те же закономерности рецепции периферийно-феминного; мифологизированная “провинция” – это варварство, угроза цивилизации, порядку, это место, которое должно быть окультурено, просвещено, оформлено» [3, с. 24].

Метафорика кровного родства, значимая для тоталитарного дискурса советской эпохи¹, последовательно реализуется библиотеками Лагудова и Шульги, которые объединяются по принципу общности цели и интересов в семью с патриархом-библиотекарем во главе. В противовес стихийным старухам Моховой, обитающим на периферии, кланы Лагудова и Шульги находятся в символическом центре громовского универсума. Созданный ими координирующий орган – Совет библиотек, призванный упорядочить и структурировать мир громовских поклонников, есть не что иное, как воплощение космоса и Логоса. Логос – начало мужское. Он, вкупе со словом «Совет», отсылает нас к советскому дискурсу.

Особый статус моховской библиотеки в рамках громовского универсума определяется тем, что в отличие от библиотек Лагудова и Шульги она становится прямым его порождением. Особую значимость при этом приобретает Книга, которая кодирует каждую из библиотек. Так, в отношении библиотеки Лагудова первичной становится Книга Радости, в отношении библиотеки Шульги – Книга Ярости, в отношении же моховской библиотеки – Книга Силы. Подобная символизация ещё более подчёркивается внутренней структурой библиотеки Моховой. Елизавета Мохова, организовав библиотеку, постепенно утрачивает своё влияние, и на первый план выдвигается образ Полины Горн, который одновременно включается в два дискурса: благодаря своему прошлому (доцент кафедры марксизма-ленинизма) – в советский дискурс, благодаря причастности к материнскому ритуалу – в национальный дискурс.

Поляризация библиотек, ориентированных на «космосмическое» упорядочивание громовского универсума со стихийной деструктивностью моховской

¹ Как отмечает Т.Ю. Быкова, «метафора кровного родства используется советскими политиками планомерно и направленно: они имплицитно призывают народ объединиться в одну большую семью. <...> Абсолютным политическим лидером и главой большой семьи является И.В. Сталин. Глава государства концептуализируется в советской прессе как незаменимый член семьи, обладающий всеми чертами, присущими главе семейства. <...> Акцентируется авторитетная роль главы семьи, но в то же время прослеживается мысль о тотальном контроле, осуществляемом над членами дружной семьи. За этим скрывается идея о создании жёсткой иерархической структуры внутри государства» [4, с. 115].

библиотеки, получает в романе практически буквальное истолкование, выливаясь в Невербинскую битву, которая достаточно явно ассоциируется с Куликовской битвой. При этом само название «невербинская» косвенно отсылает читателя к невербальному, невысказанному, невыразимому, иными словами, актуализирует мифологему загадочности русской души. В результате Невербинской битвы старухи терпят поражение, объявляются вне закона среди поклонников Книг и на длительное время отходят в тень. Однако подобный исход оказывается мнимым, оставляя именно за библиотекой Моховой решающую роль не только в судьбе громовского мира, но и русского мира в целом. Реализацией этой особой миссии становится абсолютизация материнской символики, эксплицируемой посредством богородичной мифологии, прежде всего мифологемы Покрова Богородицы, составляющего один из значимых элементов национальной мифологии. По свидетельству О.В. Рябова, «...сакрализация материнства играла важную роль в религиозной жизни нашей страны, начиная с языческих времён. Идея особой связи между Богоматерью и Русской землёй, представление о России как о “Доме Богородицы” получили широкое распространение в средневековой культуре. <...> Праздник Покрова Пресвятой Богородицы основан на вере в то, что Богородица, укрывая землю снегом, простирает покрывало над Русью, спасая её от бед» [3, с. 114].

Национальная мифология пересекается в романе с советской эзотерикой, роль которой отводится обыгрыванию мифа семи сталинских высоток, ассоциативно перекликающимся с громовским Семикнижием. Как известно, в состав высоток входят главное здание МГУ на Воробьёвых горах, гостиницы «Украина» и «Ленинградская», здание МИД, жилые дома на Котельнической набережной и на Кудринской площади, административно-жилое здание с выходом станции метро «Красные ворота». Постановление № 53 Совета министров СССР «О строительстве в г. Москве многоэтажных зданий» было подписано И.В. Сталиным 13 января 1947 г., а уже 7 сентября, в день 800-летия Москвы, были заложены фундаменты восьми зданий. Восьмое – Наркомат тяжёлой промышленности в Зарядье – так и не достроили. На его фундаменте позже возведена гостиница «Россия».

О высотках существует множество мифов и легенд, к примеру, что Сталин, подписывая постановление № 53, ориентировался на астрологическую карту Москвы, составленную Яковом Брюсом. По некоторым версиям, здания строились с целью создать магическую защиту для города, для чего в 1950 г. не чуждый оккультизма и мистики Сталин распорядился украсить шпилем со звездой каждую из башен. Все здания неизменно ассоциируются с прилагательным «красный», потому что каждое из них связано либо с Красной площадью, либо с Красной Пресней, либо с Красными Воротами. Согласно ещё одной версии, задачей проекта должно было стать укрепление сталинского могущества и обеспечение бессмертия вождю народов, подобно египетским фараонам и предводителям ацтеков, верившему в чудодейственную силу храмов и пирамид. Среди иных домыслов стоит отметить предположения о вмонтированной в шпиль гостиницы «Украина» ядерной установке, об огромных криогенных установках в подвале МГУ, о секретной линии «Метро-2», о замурованных в стены строителях, а также о сильнейшем энергетическом поле в районе зданий. Особняком

держится легенда о Дворце Советов – незаконченном грандиозном проекте, начатом ещё до Великой Отечественной войны, гигантском здании со скульптурой Ленина на вершине. Незавершённый Дворец Советов наводит на сравнения с библейской Вавилонской башней – недостроенной пирамидой-зиккуратом².

Переключка национальной и советской мифологии осуществляется на основе единой для них семантики защиты и оберега, функция реализации которой отводится Алексею Вязинцеву. М.Ю. Елизаров активно эксплуатирует в своём романе мифологему провиденциальной судьбы России, которая вполне традиционно решается через образ героя, берущего на себя роль исполнения провиденциализма. В «Библиотекаре» это выражается в том, что именно Алексею Вязинцеву открывается Книга Смысла, составляющая центр громовского Семикнижия. Судьба Алексея Вязинцева связана с широнинской библиотекой, и, что ещё важнее, приобщение к громовскому универсуму происходит благодаря Книге Памяти. В сознании героя Книга Памяти создаёт замещённый образ детства, причём детства советского; в этом случае Книга Памяти буквализирует механизм реконструкции советского дискурса, намечая характер отношения с ним героя-протагониста.

Доминантная роль образа Алексея Вязинцева определяет наличие двух планов рассмотрения советского дискурса в романе: психологического и концептуального. Первый, отмечаемый неоднократно как критиками, так и литературоведами, предполагает восприятие «Библиотекаря» как «сказки о потерянном времени, ложной ностальгии и варварском настоящем», «реакцию поколения 30-летних на тот мир, в котором они оказались», на «ту странную иллюзорную ностальгию, с которой... поколение вспоминает своё советское детство»³. Как отмечает М.А. Литовская, «“Ложная” ностальгия по советскому тех, кто только начал жить при советской власти, основана на запечатлённом в искусстве образе советского космоса, который, прекратив своё земное существование, перешёл в духовное пространство переживания заставшими его людьми» [6, с. 124].

Способом репрезентации психологического аспекта советского дискурса в романе становится динамика повествовательной структуры. Формально всё повествование представляет собой аналог записок героя, выступающего в роли летописца-хроникёра. Однако повествовательная структура оказывается крайне неоднородной: в начале романа при реконструкции истории создания громовского универсума возникает иллюзия безличного повествования, затем же она сменяется уже открытым воспроизведением точки зрения Алексея Вязинцева, раскрывающей процесс приобщения героя к громовскому миру.

Однако М.Ю. Елизаров предлагает не только транслирование советского дискурса. Концептуальная значимость криптологического сюжета достигается включением рассмотрения причин неполноты реализации советского дискурса: «Земной СССР был грубым несовершенным телом, но в сердцах романтических стариков и детей из благополучных городских семей отдельно существовал его художественный идеал – Союз Небесный... Повзрослевший, я любил Союз

² Осведомлённость М.Ю. Елизарова о сталинских высотках подтверждается в его сборнике эссе «Бураттини. Фашизм прошёл», где одна из статей посвящена параллелям между проектом Дворца Советов и голливудским фильмом «Кинг Конг» (1933) [5].

³ См. аннотацию к роману «Библиотекарь» и отзывы на него: <http://www.club366.ru/books/html/99127.shtml>.

не за то, каким он был, а за то, каким он мог стать, если бы по-другому сложились обстоятельства...» (Б., с. 426)⁴. Актуализация данного проблемного блока связывается со всё той же дихотомией маскулинного и феминного как гендерных проекций советского и национального дискурсов. Стихийная, неупорядоченная деструктивность, свойственная феминному началу, поглощает собой стремление к упорядочиванию громовского универсума. Не случайно моховские старухи представляют собой практически недифференцированное единство, становясь своеобразной персонификацией коллективного, в данном случае – национального бессознательного.

Отражением результатов этого противостояния является финал романа. Старухи, выстоявшие против кланов Лагудова и Шульги и не утратившие Книгу Силы, забирают Алексея в Дом, вводя его туда как внука, по-новому интерпретируя метафорику кровного родства. Статус внука актуализирует поляризацию героического и жертвенного мифологического комплексов. По замечанию Х. Гюнтера, «герой представляет собой архетип, который образует “первую ступень в дифференциации психики” подрастающего человека. В борьбе с тенью молодой человек освобождается от инерции подсознательного, преодолевает склонность к возвращению в состояние детства, над которым доминирует мать. Таким образом, архетип служит для развития индивидуального самосознания, для подготовки молодого человека к самостоятельному преодолению жизненных проблем. Когда человек вступает в фазу зрелости, архетип теряет своё значение. “Символическая смерть героя одновременно является достижением этой зрелости”. Зрелость существует лишь по ту сторону героического» [9]. Финал же романа демонстрирует утрату «мобилизующей функции героизма», выражающейся «в институционализированном пангероизме» [9]. Последнее в художественной логике елизаровского романа должно способствовать проявлению «Союза Небесного». В противоположность этому происходит своеобразное свёртывание советского дискурса: Алексей Вязинцев несёт предписанное ему бремя чтения Неусыпаемой Псалтыри в бункере, куда его заперли старухи. Образ бункера прочно связан со сталинским мифом, сложившимся в русском андеграунде последней трети XX в., и, как правило, соотносится с центростремительным движением советского дискурса. Старухи спускают Алексею кожаную куртку, которую покрывает «чешуя советских рублей», вызывая отчётливую ассоциацию с кольчугой. Куртка упоминается в романе дважды; и если в битве с Марченко она поддерживала общий героический пафос происходящего, то теперь

⁴ Комментируя в газете «Завтра» празднование годовщины Октябрьской революции, М.Ю. Елизаров уже открыто декларирует ностальгический комплекс, о котором говорят исследователи, приводящий в итоге к реабилитации советского дискурса на основе обнажения его символического ядра: «Для меня 7 ноября – праздник с плавающим смыслом. Когда я был совсем юным обитателем Советского Союза, мне казалось, что этому дню не хватает тепла... 7 ноября не хватало личного, это был государственный день, строгий... Когда я стал старше, будучи опять-таки ещё жильцом Советского Союза, 7 ноября символизировало для меня скуку, ветхость и упадок. Примерно с 1993-го по 1997-й – праздник стал для меня точкой протеста. Ибо то, что пришло после Советского Союза, оказалось настолько омерзительным, что тусклая в детстве дата превратилась в фантастически яркую, ностальгическую звезду. <...> В нынешнее время, когда я удалился и от себя юного, и от Советского Союза, и от всех прочих смыслов достаточно далеко – осталось одно: 7 ноября – доказанная теорема о справедливости и возмездии» [7]. Ещё в одном интервью писатель отмечает: «Жаль замечательной идеи, лучше которой человечество ничего не придумало: всеобщее равенство, социальная защищённость, право каждого на образование и труд. Жаль попытки построить коммунистическое общество» [8].

становится деталью, демонстрирующей смещение героики жертвенностью, прерывающей путь взросления героя и искажающей эзотерический план «Союза Небесного».

Таким образом, заявка на «Союз Небесный» оказывается неосуществлённой. Не срабатывает формула «Покров советской Богородицы над страной» (Б., с. 361). Советский проект, который автор оправдывает, преломляется посредством деструктивного национального начала. Советский дискурс реанимирует национальный дискурс и в итоге поглощается последним. Фикциональность единения советского и национального демонстрируется посредством авторской иронии, сигнализирующей о нетождественности сознаний автора и повествователя Вязинцева.

Summary

B.A. Khanov. Soviet Discourse in M.Yu. Elizarov's Novel "The Librarian".

Representation of the Soviet past in modern Russian prose still demands comprehension. This paper is devoted to the analysis of the Soviet discourse in M.Yu. Elizarov's novel "The Librarian" (2007), the 2008 "Russian Booker" winner. The study is performed using a complex method, which combines discourse, cultural-historical, structural-semantic, and conceptual types of analysis. The Soviet discourse is considered in relation to the national Russian one, which is also presented in the novel. It is demonstrated that Russian and Soviet concepts come into collision. The conflict is realized in a cryptological plot through the image of library, which is emblematic of postmodern literature. The national Russian discourse is embodied in such traditional feminine images as elemental force, proximity to the nature, destructive orientation, and provinces. The Soviet discourse is based on such traditional masculine images as aspiration for orderliness, orientation to logic, and capital. Female and male personifications stand in a symbolical relation with each other. M.Yu. Elizarov introduces the sacral image of the Protection of the Holy Virgin, which is urged to unite the Soviet discourse with the national Russian one. The conclusion is made that the Soviet utopia does not unite with the national Russian tradition despite the introduction of the Protection. The Divine Union declared in the novel remains unrealized.

Keywords: Mikhail Elizarov, "The Librarian", Soviet discourse, Soviet myth, national discourse, Stalin's myth, symbolization, library, heroism, victim.

Источники

Б. – *Елизаров М.Ю.* Библиотекарь. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2009. – 432 с.

Литература

1. *Меграбян Л.Р.* Библиотека в произведениях Х. Борхеса и У. Эко как воплощение концепции «Мир как текст» // Университетские чтения – 2009. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. – Ч. 7. – С. 168–172.
2. *Гюнтер Х.* Поющая родина (Советская массовая песня как выражение архетипа матери) // Вопр. лит. – 1997. – № 4. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1997/4/gunter.html>, свободный.
3. *Рябов О.В.* Матушка-Русь: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. – М.: Ладомир, 2001. – 202 с.

4. *Быкова Т.Ю.* Отцы и дети великой страны: метафора родства в советском политическом медиадискурсе 1945–1954 гг. // Полит. лингвистика. – 2014. – Вып. 2. – С. 114–118.
5. *Елизаров М.Ю.* Бураттини. Фашизм прошёл. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 222 с.
6. *Литовская М.А.* Социалистический реализм как предмет рефлексии постсоветской прозы // Советское прошлое и культура настоящего. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – Т. 1. – С. 117–129.
7. *Елизаров М.Ю.* Годовщина Октябрьской революции // Завтра. – 2014. – 7 нояб. – URL: <http://zavtra.ru/content/view/oktyabr-2/>, свободный.
8. *Елизаров М.Ю.* Михаил Елизаров: я был бы за красных! // Postimees.ru. – 2011. – 28 марта. – URL: <http://rus.postimees.ee/409646/mihail-elizarov-ja-byl-by-za-krasnyh>, свободный.
9. *Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. – СПб.: Академ. проект, 2000. – С. 743–784. – URL: <http://media.ls.urfu.ru/493/1258/2726/2592/1235>, свободный.

Поступила в редакцию
28.01.15

Ханов Булат Альфредович – аспирант кафедры русской литературы и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: sixxam@mail.ru